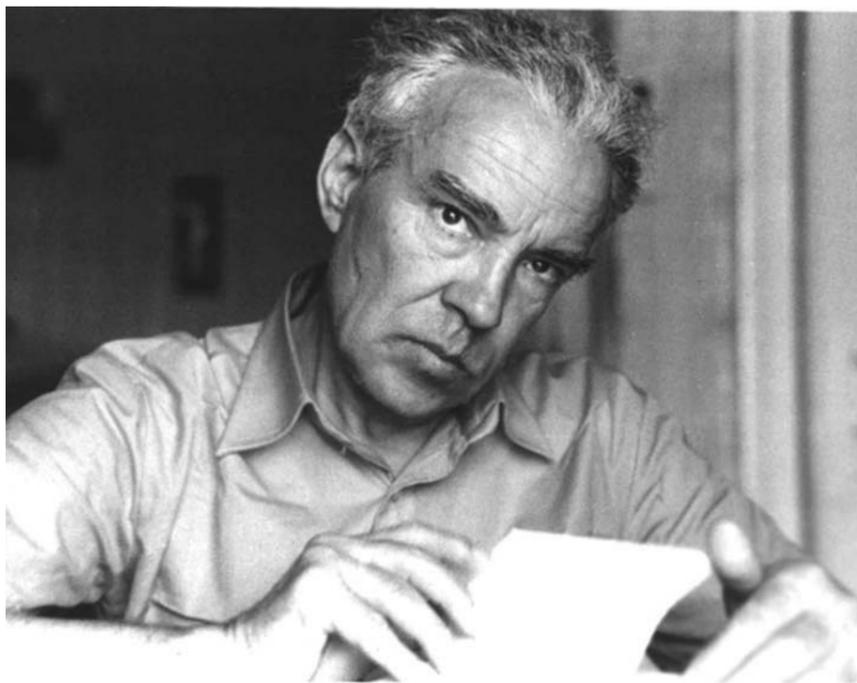

Эстафета памяти

Н.Н. Сотников,
писатель

Предлагаем вашему вниманию фрагмент критико-публицистической книги члена Комиссии по литературному наследию Л.И. Хаустова Н.Н. Сотникова «...И за волной идет волна».

ЕЩЁ ОДНИ РОДНЫЕ СТЕНЫ, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ АККОРД

Герценовский университет — alma mater Леонида Ивановича Хаустова. Верно сказал о своем друге Лев Михайлович Демин: «Есть люди, которые утрачивают всякую духовную связь и с малой родиной, и с родной школой, и с институтом, который в прямом смысле слова образовал человека. К Хаустову это никак не относится! Он остался верен всему, что любил и во что верил!»

Бывал я не раз на факультете литературы и русского языка на 1-й линии Васильевского острова, но почему-то все же считаю именно главное здание и окружающие его корпуса тоже как бы малой ленинградской родиной Леонида Ивановича.

До войны пединститут наш очень высоко ценился, и поступить туда было вовсе не легче, чем в университет. Педагогические кадры были отличные, в институте царил дух творчества. Недаром во второй половине 30-х годов его в шутку называли «ленинградским Литинститутом». Педвуз наш словно принял эстафету от Высших курсов искусствознания при Институте истории искусств на Исакиевской площади, в чем-то соперничал с Коммунистическим институтом журналистики на канале Грибоедова, а в чем-то — и с РЛУ (Рабочим литературным университетом) при Доме писателя

имени В.В. Маяковского. Вот на эти взаимосвязи и обращал внимание своих учеников, своих студийцев Павел Шубин — сам студент, он уже имел «птенцов гнезда Шубина», как любил иронично заметить. Среди этих «птенцов» заметно выделялся студент Леонид Хаустов, младше всего лишь на шесть лет. Шубин учил его не только писать и редактировать, но и преподавать. И — научил!

В музее нынешнего Педагогического университета хранятся не только книги и фотографии Павла Шубина и его лучшего ученика Леонида Хаустова, но и список профессиональных литераторов, которые были либо студентами, либо аспирантами педагогического вуза. Прямо скажу, не все эти имена мне хотелось бы вспоминать. Самые дорогие я назвал — и достаточно! К тому же я пишу не историю педвуза и его литфака, а последнюю, завершающую главу дневниковых записей члена Комиссии по литературному наследию Хаустова.

Когда в 1982 году, я увидел в Лениздате первую посмертную книгу стихов и поэм Леонида Ивановича «Я оставляю вам стихи», два ветерана писательской организации, активисты историко-мемориальной комиссии при Правлении, почти в один голос похвалив меня, стали предлагать сделать такие же сборники таких-то и таких-то поэтов старших поколений, на что я вежливо, но категорично ответил: «Такое возможно только один раз и с творчеством того, кого безгранично любишь!»

Давно мне мечталось подарить музею педвуза наш с режиссером Виктором Федоровичем Окунцовым фильм «Сорок первый — наш год призывной» об участниках прорыва блокады, о трех поэтах — Леониде Хаустове, Анатолии Чепурове, тоже учившимся в институте имени Герцена, но заочно и в послевоенные годы, и Александре Межирове. Да ведь как это сделать? Киноплёнка пропала неведомо куда. Есть у меня видеозапись, но она за все эти годы так «наработалась», что нуждалась в реставрации. И, вот, музей за эту реставрацию взялся. Теперь в музейных фондах есть и компакт-диск с записью почти всего фильма за исключением самого начала, и запись в компьютерной памяти.

Лично я от этой новейшей техники далек, надеюсь лишь на свою духовную память, самый надежный компьютер, который мне и надиктовал книгу, которую вы держите в своих руках.

Весной 2012 года меня пригласили сотрудники музея и руководство психологического факультета педвуза выступить перед большой аудиторией студентов и преподавателей с показом нашего фильма о двух питомцах института.

Больше всего я боялся того, как нынешние парни и девушки будут смотреть и слушать наш фильм! Именно слушать, ибо фильм буквально напоен и музыкой, и стихами. Тридцать минут стояла абсолютная тишина, а затем зал взорвался долгими аплодисментами!

Я был счастлив. Самое главное — фильм не устарел, как очень часто бывает, особенно документальные телефильмы.

Мы видели десятки фотоснимков Хаустова (кинокадров не сохранилось), слышали его радиовыступления, последнее в жизни, стихи в его исполнении — помогла пластинка «У жизни на пиру», которую умело и без потерь переписала наша звукооператор Елена Порфирьева.

Самое удивительное другое — все в один голос говорили о том, что десять минут, одна киночасть, причем не сплошь, а перебивками (такова была изначально задуманная композиция фильма), наиболее ярко представляют нам именно Хаустова. Вероятно (скажу в порядке самокритики), нам с Окунцовым полностью не удалось снять некоторый телевизионно-репортажный налет с выступлений Чепурова и Межирова. А вот Хаустов — весь нараспашку, такой, каким он был, каким мы его помним и любим!

Людей, знавших Хаустова лично, остается все меньше и меньше. Их — буквально считанные единицы.

Но есть такое понятие — эстафета памяти. То, что она есть, подтвердили и публикации в периодике, и радиопередачи, и телефильм, и книги, изданные после 1980 года, и эта книга, которая долго шла к читателям, но наконец все-таки встретила их, чтобы с ними породниться.

На «Невском пяточке» открыли памятный знак кировчанам — защитникам Ленинграда.

«Невский пяточок» — легендарный плацдарм на левом берегу Невы (в настоящее время — мемориал), который советские войска удерживали в ходе битвы за Ленинград. С этого плацдарма трижды предпринимались попытки прорвать блокаду Ленинграда. Город защищали более 100 тысяч кировчан, около 35 тысяч из них пали на полях сражений.

